

Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014–2017)¹

Иван Юрьевич Зуенко,

младший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Статья посвящена анализу дискурса в отношении китайской инициативы «Пояса и Пути», занявшего одно из центральных мест в публичной дискуссии относительно сотрудничества с КНР на постсоветском пространстве в 2014–2017 гг. Исследование осуществлено с использованием положений теории критической геополитики и сфокусировано на анализе дискурса экспертных сообществ. По мнению автора, это позволяет не только установить, как воспринимается инициатива Пекина среди государств, являющихся её потенциальными участниками, но и сделать определённые выводы по поводу перспектив её реализации, поскольку на данной стадии развития «Пояса и Пути» политические решения в соседних с Китаем странах в значительной степени определяются интерпретациями, исходящими именно из экспертной среды. Россия и Казахстан, в силу географического положения в центре прохождения трансконтинентальных транспортных маршрутов и активной позиции в процессах евразийской интеграции, предоставляют особо важный материал для проведения подобного исследования. Понимание противоречий в мотивации и различий в подходах к китайским интеграционным инициативам в этих двух странах позволяет выявить уязвимые места в функционировании ЕАЭС и реализации «сопряжения» ЕАЭС с Экономическим поясом Шёлкового пути (составляющая «Пояса и Пути»), о которых часто «забывают» отечественные специалисты по международным отношениям.

Ключевые слова: «Пояс и Путь», Экономический пояс Шёлкового пути, Новый Шёлковый путь, Большая Евразия, Центральная Азия, интеграция, Казахстан, Китай, Россия, дискурс, критическая геополитика.

¹ Раздел «Анализ российских и казахстанских материалов (2014–2017)» подготовлен при поддержке совместного гранта РФФИ и Шанхайской академии общественных наук № 16-27-22001. Прочие разделы подготовлены в рамках госзадания ИИАЭ ДВО РАН.

One “Belt”, Two Roads: Perception of China’s Integration Initiatives in Russia and Kazakhstan (2014–2017).

Ivan Zuenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ivanzuwei@gmail.com.

The article offers original view to the problem of perception of China’s initiative ‘Belt and Road’ with the analysis of experts discourse according to concept of critical geopolitics in two key countries in Central Eurasia — Russia and Kazakhstan. During 2014–2017 there was an active discussion on the topic accompanied with the transformation of perception: from mistrust and alertness to interest and hopes for quick results, and then — disappointment. Methods of discourse analysis help us to explain these changes as well as conclude on the future of ‘Belt and Road’ — at least in Russia and Kazakhstan. These countries due to their geographical position in the center of trans-continental transport routes and their active position in Eurasian integration processes give us important material for researching non-Chinese expert discourse towards ‘Belt and Road’. Moreover, different attitude in two countries towards ‘Belt and Road’ impact functioning of the Eurasian Economic Union based on cooperation between Moscow and Astana. Focus on this along with the use of ‘critical geopolitics’ theory forms the main contribution of the article to the global discussion on the topic of Belt and Road.

Keywords: Belt and Road, Silk Road Economic Belt, New Silk Road, Big Eurasian partnership, integration, Central Asia, China, Kazakhstan, Russia, discourse, critical geopolitics.

Китайская инициатива «Пояса и Пути»² стала одной из наиболее обсуждаемых тем среди экспертов по международным отношениям в течение 2014–2017 гг. На это указывает значительно число

² Впервые отсылки к Великому Шёлковому пути применительно к интеграционным проектам появились в Астанинской речи Си Цзиньпина — выступлении китайского лидера 7 сентября 2013 г. в Назарбаевском университете (Астана, Казахстан), в котором он призвал строить Экономический пояс Шёлкового пути. В октябре того же года в Индонезии Си Цзиньпин предложил идею Морского Шёлкового пути XXI в. Эти две концепции были объединены в единую формулу «Один пояс, один путь» (一带一路), которую с 2016 г. китайцами рекомендовано переводить на английский язык как Belt and Road Initiative (BRI) — по-русски «Инициатива Пояса и Пути», с акцентом на то, что концепция является не «программой», «стратегией» или «планом», а всего лишь «инициативой» (倡议). Данное указание содержится в «Рекомендациях по использованию терминологии „Одного пояса, одного Пути“ для Государственного комитета по развитию и реформе и соответствующих ведомств» (http://www.crd.net.cn/2015-09/23/content_17140464.htm). Термин «Новый Шёлковый путь» применительно к инициативе не вполне корректен, поскольку изначально так обозначался проект США для Центральной Азии, однако использование указанного термина ввиду его интуитивной понятности стало общим местом, как для публицистических, так и для научных (см., например, [14]) материалов.

проведённых по этой теме конференций, симпозиумов, круглых столов, семинаров, как в Китае, так и за его пределами, а также рост числа публикаций, призванных осмыслить инициативу Пекина.

При этом анализ того, *что же* такое «Пояс и Путь» и *как* будет выглядеть политика Пекина, вышел за пределы чисто китайского нарратива (возможно, неожиданно для китайских авторов инициативы [3]).

Отчасти это объясняется тем, что изучение первоисточников (концептуальные документы госорганов КНР и выступления её руководителей) не вносит ясности в понимание сути «Пояса и Пути». Идущий от китайского государства нарратив отличается высокой степенью образности и метафоричности. Например, в базовом концептуальном документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию „Экономического пояса Шёлкового пути“ и „Морского шёлкового пути XXI в.“» (март 2015 г.), инициативе «Пояса и Пути» даётся такое определение: «Это путь взаимного уважения и взаимного доверия, путь сотрудничества и общего выигрыша, путь междивизиационного взаимозаимствования» [18, с. 270]. Институциональные, отраслевые и даже географические рамки инициативы оказались максимально размытыми, и это позволяет включить в неё всё что угодно. Проще говоря, китайцы на данный момент предложили лишь скелет концепции; его наполнение осуществляется всеми акторами, в этом заинтересованными.

Примечательно, что среди тех, кто встал на деятельную позицию, выделяются Россия и Казахстан. Для этого сложился подходящий фон. Обе страны активно развивают отношения с КНР, обладают значительной территорией и занимают транзитное положение между Китаем и Европой. Кроме того, по причине падения цен на энергоносители Россия и Казахстан столкнулись с финансовыми проблемами и начали рассчитывать на приток китайских инвестиций как на способ их решить. Появление инициативы «Пояса и Пути» вызвало определённую дискуссию, итогом которой стало принятие решений о поддержке действий Пекина и интеграции в предложенную им рамку как национальных³, так и наднациональных проектов⁴.

³ Государственная программа инфраструктурного развития «Нурлы жол» («Светлый путь») на 2015—2019 гг. была разработана в целях реализации Послания главы государства Н. Назарбаева народу Казахстана от 11 ноября 2014 г. По мнению ряда опрошенных казахстанских экспертов, данная программа была подстроена под цели и задачи китайской инициативы Экономического пояса Шёлкового пути (составляющая «Пояса и Пути»), что позволило за несколько лет реализации добиться ряда осязаемых успехов в виде создания конкретных инфраструктурных проектов.

⁴ 8 мая 2015 г. во время визита Си Цзиньпина в Москву было принято Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП (<http://kremlin.ru/supplement/4971>). Так как ЕАЭС является интеграционным

Примечательными являются два момента. С одной стороны, Россия и Казахстан выступают в отношениях с Китаем не просто как отдельные страны, но как члены единой интеграционной структуры (ЕАЭС), объединённые, помимо этого, общим языковым и культурным пространством, а также производственно-логистической инфраструктурой. В этой связи крайне важно разобраться, совпадает ли видение взаимодействия с Пекином в Москве и Астане и способны ли РФ и Казахстан выступать «единым фронтом» в отношениях с Китаем.

С другой стороны, от того, как видят взаимодействие с КНР в этих странах, зависит будущее как минимум одной из частей китайской инициативы — Экономического пояса Шёлкового пути. Россия и Казахстан, в силу своего транзитного положения, территории и наличия природных ресурсов, оказываются ключевыми игроками среди всех государств Центральной Евразии. Без них невозможно достижение таких целей Пекина, как создание по периметру границ группы дружественных стран; обеспечение сухопутной логистики для вывоза продукции КНР на европейские рынки и ввоза сырья из Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии.

Иначе говоря, для того, чтобы сделать вывод о будущем «Пояса и Пути», недостаточно знать намерения китайской стороны (на чём сфокусирована большая часть работ по данной теме) — необходимо понимать восприятие «Пояса и Пути» со стороны стран-партнёров, и прежде всего, России и Казахстана.

Именно на установление этого восприятия направлена данная работа. Поставленная цель достигается за счёт решения более узкой задачи — изучения экспертного анализа в отношении инициативы «Пояса и Пути». Теоретическим основанием, позволяющим нам опираться на взаимосвязь между дискурсом и политическими решениями, являются идеи критической геополитики.

ПОДХОДЫ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА

В целом для понимания действий политических элит России и Казахстана (равно как и других постсоветских государств) применимыми оказываются подходы, характерные для геополитической парадигмы.

образованием, куда помимо России входят ещё Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения, формально к программе реализации Совместного заявления присоединились все эти страны. Однако на практике, учитывая политико-идеологический характер данного решения, к каким-либо конкретным действиям его принятие пока не привело.

На это указывает ряд авторов, среди которых Дж. О'Тоал [29], В. Колосов [9], А. Королёв [26], И. Окунев [17], П. Цыганков [30].

При этом геополитика понимается здесь как способ объяснить влияние пространства на международные отношения и мировую политику. В более узком смысле вслед за А. Королёвым можно повторить, что геополитика — это способ изучить влияние пространства и расположения на государственную политику, который учитывает как физическую географическую среду и отношение/интерпретации значения этой среды со стороны политики, интеллектуалов и ответственности [26, с. 299].

Идеи классической геополитики были развиты школой критической геополитики (новой постструктуралистской геополитики), основы которой заложены работами Дж. Тоала, Дж. Эгню, С. Далби [28; 29]. Её постулатом является утверждение о том, что «ни пространство, ни расположение не должны восприниматься как нечто зафиксированное. Скорее они всегда являются продуктом своего времени и субъективной интерпретации людей» [26, с. 305].

Таким образом, для объяснения того или иного политического решения важно понимать, *какой дискурс* определяет восприятие пространства для политической элиты, интеллектуальных сообществ и обывателей. В постструктуралистской теории геополитика становится «дискурсивной практикой», с помощью которой «государственные интеллектуалы» (*intellectuals of statecraft*) придают пространственную форму международной политике и воспроизводят её как некий «мир», обладающий своими характеристиками и наполненный «местами, людьми и сюжетами» [28, р. 190].

Применение принципов критической геополитики даёт продуктивные результаты для интерпретаций действий постсоветских государств в сложные периоды межгосударственного взаимодействия. Представления о том, что интересы общества связаны с контролем над определённым пространством, на которое претендуют также соседи (воплощённые, например, в образе России как «осаждённой крепости»), действительно формируют общественную повестку и заставляет политиков вести себя соответствующим образом, а общественность и экспертные сообщества поддерживать эти решения с помощью доступных им средств.

Справедливо и то, что взаимодействие постсоветских государств с Китаем также пронизано духом геополитики, поскольку для сопутствующей риторики оказываются характерными такие нарративные формулы, как «протяжённая сухопутная граница», «колонизация Сибири», «спорные территории», «демографическое давление на приграничные территории» и т.д.

При этом изучение постсоветского дискурса в отношении «Пояса и Пути» с использованием подхода критической геополитики имеет ряд особенностей. Так как активное обсуждение инициативы началось только в 2014 г., её образ («сторилайн»⁵) для широких слоёв общества пока находится на стадии формирования. Соответственно нельзя утверждать, что общественное мнение касательно «Пояса и Пути» имеет важное значение для процесса формирования политических решений. Хотя существуют известные примеры, когда мнение общества относительно Китая повлияло на конкретные политические решения⁶.

В условиях, когда общественное мнение просто не понимает, что такое «Пояс и Путь»⁷, ключевое значение приобретает тот дискурс, который *оказывается характерен для экспертного сообщества*. Именно оно призвано объяснить, как элитам, так и простым людям, чего ожидать от китайской инициативы, каковы вызовы и возможности, которые она несёт. Поэтому будущее взаимодействие с КНР в рамках «Пояса и Пути», по мнению автора, находится в зависимости от видения его со стороны учёных и журналистов, в нашем случае — в России и Казахстане.

АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И КАЗАХСТАНСКИХ МАТЕРИАЛОВ (2014—2017)

Для того чтобы установить это видение, был проведён анализ научных статей и экспертных материалов на русском и английском языке, подготовленных учёными из России и Казахстана в 2014—2017 гг. Для этого было взято три сборника статей [8; 14; 16], а также отдельные материалы, опубликованные в научных изданиях и СМИ, среди которых

⁵ Под «сторилайн» (англ. storyline — сюжетная линия) в критической геополитике понимается «набор сюжетов и историй, распространённых в СМИ», с помощью которого правящая элита объясняет свои решения широким слоям населения.

⁶ В 2015 г. негативная реакция со стороны СМИ, общественности и ряда популистски настроенных политиков вынудила власти Забайкальского края отказаться от решения отдать пустующие сельхозземли в длительную аренду китайской компании. А в 2016 г. общественные протесты, разразившиеся в Казахстане из-за опасений, что поправки в Земельный кодекс приведут к массовой скупке казахстанских земель китайцами, заставили Астану ввести мораторий на вступление в силу документа.

⁷ На это указывает путаница в терминологии, характерная для русскоязычной публицистики, где даже само название концепции записывается чаще всего некорректно: «Один пояс — один путь» в виде сопоставления, вместо «Один пояс, один путь» в виде перечисления. Также весьма распространены термины «Новый Великий Шёлковый путь», просто «Шёлковый путь», являющиеся результатом интуитивных попыток осмыслить китайскую концепцию.

выделялись статьи экспертов, обозначенных автором в качестве «ведущих». Среди них: Бордачёв Т. [6; 7; 21; 22], Габуев А. [2; 24; 25], Денисов И. [3; 4; 23], Ларин А. [11; 14; 16], Лузянин С. [12; 14], Лукин А. [8; 13] — в России; Изимов Р. [5], Каукенов А., Косназаров Д. [27], Нурсеитов А. [15], Сыроежкин К. [16; 19; 20], Шибутов М. — в Казахстане⁸.

Среди материалов, публиковавшихся по теме «Пояса и Пути» в указанные годы, подавляющее большинство имело общепознавательный характер и было направлено на то, чтобы в общих чертах объяснить аудитории, что такое «Пояс и Путь», «как он пройдёт» и, условно говоря, стоит ли этого бояться. При этом отсутствие чётких вводных по поводу проекта со стороны КНР стимулировало весьма широкие интерпретации проекта.

Как совершенно верно отмечает Л. Смирнова, «В переживающей кризис России концепция „Пояса и пути“ попала на особенно благодатную почву, быстро превратившись в предмет уже российских внутриполитических спекуляций. К настоящему времени китайская риторика сохранила лишь ограниченное влияние на содержание внутрироссийских дебатов. Дискуссия продолжает разворачиваться среди россиян, которые сделали китайскую инициативу инструментом в артикуляции своих собственных проблем»⁹.

В 2016 г. данная дискуссия была воплощена в нескольких коллективных работах. Первой стал сборник «Новый Шёлковый путь и его значение для России» [14], опубликованный Институтом Дальнего Востока РАН. Для сборника характерно дружелюбное, но сдержанное отношение к китайской инициативе, общий посыл может быть сформулирован следующим образом: «Так как Новый Шёлковый путь уже стал данностью и изменить Россия ничего не может, необходимо использовать его в своих интересах, при этом надежды на выгоды для экономики России немного перевешивают опасения, связанные с угрозами безопасности и потери Россией своего влияния в Центральной Азии»¹⁰.

В том же году появились две российские работы, представляющие близкие к руководству страны экспертные круги. Одна из них, сборник «Один пояс — один путь. Ведущая стратегия внутренней и внешней политики Китая» [16], была подготовлена Российским институтом стратегических исследований (РИСИ), государственной «фабрикой мысли», близкой к Администрации Президента России и в настоящий

⁸ Фамилии перечислены в алфавитном порядке. Следует отметить, что база исследования не ограничивалась лишь работами указанных авторов.

⁹ Смирнова Л.Н. Проект «Пояса и Пути»: политические, экономические и оборонные аспекты. Работа не опубликована, получена в электронном варианте от автора.

¹⁰ Формулировка Зуенко И.Ю. на основе обобщения материалов.

момент возглавляемой бывшим премьер-министром М.Е. Фрадковым. Другая работа — аналитический доклад «Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи» [8], научным редактором которого стал В.И. Якунин, бывший глава РЖД.

Обе работы исходили из понимания геополитической карты мира, которое, возможно, характерно для российского руководства. В его основе представление об «упорном стремлении Запада не упустить рычаги монопольного управления миром и препятствовать процессу формирования полицентрического миропорядка» [16, с. 6].

При этом действия КНР представляются «ответом на попытки Запада подавить назревшие перемены в глобальной системе международно-политических и экономических отношений» [16, с. 6]. Россия, как сторона, заинтересованная в том, чтобы укрепиться в качестве одного из независимых центров мирового порядка, должна приветствовать действия Пекина и совместно с ним рисовать полицентрическую карту мира. Авторы исходят из убеждённости в наличии глубоких и непреодолимых противоречий Китая и США и — соответственно — из уверенности в том, что российско-китайские «конструктивные отношения» смогут уравновесить доминирование Вашингтона.

Таким образом, как ни парадоксально, критерием, по которому ранжируется видение российскими экспертами «Пояса и Пути», является их отношение к США и Западу в целом: от сторонников «новой евразийской политики Москвы» [6; 7; 21; 22], позиционирующих «сопряжение» ЕАЭС и ЭПШП как ядро «нового хартленда», способного уравновесить мировое лидерство США, к «западникам» — сторонникам восстановления дружеских отношений с Западом, пусть даже ценой противоречий с Китаем.

Для казахстанского дискурса подобная градация нехарактерна, и в целом он является более гомогенным.

Осмыслением Нового Шёлкового пути и его влияния на Казахстан занимаются несколько исследовательских центров: прежде всего, Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента (ИМЭП) и Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан (КИСИ). Учитывая их ориентированность на информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства страны, логично предположить, что большая часть публикаций выдержана в комплиментарном по отношению к «Поясу и Пути» духе и соответствует риторике официальной Астаны¹¹.

¹¹ При этом опыт личных бесед с казахстанскими специалистами показывает, что подобная позиция с их стороны вполне искренна. Возможность проведения подобных интервью была получена в ходе семинара «Новый Шёлковый путь и будущее региональной кооперации», проведённого представительством Фонда Фридриха Эберта в России совместно с ИИАЭ ДВО РАН в сентябре 2017 г.

Центральное место в работах казахстанских экспертов занимает анализ «сопряжения» ЭПШП не с ЕАЭС, а с казахстанской аналогичной стратегией «Нурлы жол». Важно, что для казахстанского дискурса характерно понимание Нового Шёлкового пути как транспортного проекта, в то время как российскими экспертами гораздо больше внимания уделяется геополитическим сюжетам.

В пространственном отношении как казахстанские, так и российские эксперты солидарны в том, что «ядро» инициативы — Центральная Азия. Другим общим моментом является тезис о том, что реализация инициативы «Пояса и Пути» неизбежно приведёт к укреплению в данном регионе Китая. А вот *подход к формату кооперации с КНР* как раз и составляет ключевое противоречие между Москвой и Астаной.

Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, активно использует двухсторонний формат отношений с КНР, в котором он может рассчитывать на диалог, а не на положение статичного наблюдателя диалога «двух великих держав»¹².

В то же время значительная часть российских экспертов настаивает на использовании форматов многосторонних организаций (ЕАЭС и ШОС) [8, с. 59, 76; 21; 22]. Активно публикующийся по теме евразийской интеграции эксперт Валдайского клуба Т.В. Бордачёв заявляет: «Наибольшую угрозу сопряжению, а также евразийской интеграции представляет разделение работы на несвязанные и нескоординированные национальные линии взаимодействия с Пекином» [21]. Там же читаем: «Нужно вновь и вновь доносить до китайских партнёров идею о том, что именно формат ЕАЭС — Китай — центральный, и он не ограничивается только торговыми отношениями. Партнёрам по ЕАЭС, которым следует напоминать, что им как относительно небольшим и слабым государствам наиболее выгоден именно многосторонний формат» [21].

Схожая позиция озвучена в аналитическом докладе МГИМО: «Важной с точки зрения национальных интересов России в Евразии является попытка сближения трёх соседних проектов — ЕАЭС, ШОС и ЭПШП, позволяющая говорить о возможной перспективе формирования долгосрочной евразийской политики России» [8, с. 59]. Авторы доклада считают, что в «сопряжение» ЭПШП и ЕАЭС необходимо включить и ШОС, причём в качестве связующего звена [8, с. 59]. Усиление ШОС в терминах классической геополитики трактуется как укрепление российско-китайской (евразийской) версии хартленда [8, с. 76].

Эйфория вокруг перспектив евроазиатской интеграции под началом России не поддерживается другой частью экспертов. Так,

¹² Данное мнение озвучивалось участниками семинара «Новый Шёлковый путь и будущее региональной кооперации».

например, А.Г. Ларин задаётся вопросом: «Найдёт ли Россия достаточно веские аргументы, особенно аргументы экономического, т.е. материального характера, чтобы побудить своих партнёров теснее сплотиться (вокруг неё), усилить структуру Союза и более консолидированно выступать в своих отношениях с внешним миром, включая Китай?» [14, с. 115]. Он же справедливо замечает, что «развитие тесного экономического сотрудничества с Китаем под эгидой Шёлкового пути объективно ставит членов ЕАЭС в ситуацию раздвоения интересов» [14, с. 120]. Да и в целом «продуктивность диалога формате КНР — ЕАЭС лимитируется противоположным подходом сторон к проблеме таможенных барьеров, образующих фундамент Евразийского экономического союза» [14, с. 226].

В целом решение о «сопряжении» ЭПШП и ЕАЭС, озвученное лидерами России и Китая в Москве без участия руководства других стран, было болезненно воспринято партнёрами РФ по ЕАЭС, поскольку рассматривалось сквозь призму пренебрежения партнёрскими интересами¹³. Одновременно оно создало концептуальную рамку, в которой тот же Казахстан может развивать широкомасштабное сотрудничество с КНР, не опасаясь негативной реакции со стороны Москвы. В общем это определяет позитивное, но крайне прагматичное видение будущего «сопряжения», характерное для казахстанского дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для России и Казахстана оказались характерны значимые различия в видении инициативы «Пояса и Пути». Ключ к их пониманию — наличие у РФ претензий на роль лидера в собственных интеграционных проектах на евразийском пространстве.

Учитывая эти амбиции, изначально китайская инициатива «Пояса и Пути» в Кремле рассматривалась, прежде всего, на предмет того, является ли она конкурентом пророссийского проекта ЕАЭС и не заменяет ли она ШОС. Решение о «сопряжении» ЕАЭС и ЭПШП позволило РФ оставить опасения на этот счёт и вызвало дальнейшее переосмысление идеи евразийской интеграции. Это, в свою очередь, привело к появлению концепции «Большого евразийского партнёрства», анализ которой показывает, что взаимодействие с указанной китайской инициативной для России интереснее всего в многостороннем формате («интеграция интеграций») и с сохранением лидирующего положения в процессах интеграции.

¹³ Данное мнение озвучивалось участниками семинара «Новый Шёлковый путь и будущее региональной кооперации».

В Казахстане же восприняли «Пояс и Путь» сугубо прагматично, как инициативу, нацеленную на развитие конкретных инфраструктурных проектов и основанную на формате двухсторонних отношений. К решению о «сопряжении» ЕАЭС и ЭПШП Казахстан отнёсся со скептицизмом, однако оно создало концептуальную рамку, когда Астана может развивать сотрудничество с Пекином, не опасаясь негативной реакции российских партнёров.

Будущее «сопряжения» вызывает вопросы именно по причине различий в подходах к взаимодействию с КНР между РФ и её партнёрами. Ключевое противоречие заключается в том, что Москва мыслит геополитическими категориями, в которых она, Пекин и Вашингтон являются ключевыми фигурами на «великой шахматной доске», в то время как партнёры России по ЕАЭС — «пешки», статисты. Астана же стремится проводить сбалансированную политику маневрирования между РФ и КНР и не хотела бы терять полномочия по выстраиванию отношений с Пекином при передаче их на наднациональный многосторонний уровень.

Имеющиеся противоречия означают, что дальнейшая интеграция между наднациональными объединениями, с одной стороны, и Китаем — с другой, вряд ли будет успешной. Какая концептуальная обёртка («Экономический пояс Шёлкового пути», «сопряжение ЕАЭС и ЭПШП» или «Большое евразийское партнёрство») для этого будет использоваться, не важно. Реальной альтернативой этому является ставка на развитие двухсторонних отношений.

При этом, учитывая, что Россия на данный момент не может конкурировать на всём центральноазиатском пространстве с Китаем в части предоставления финансовых и технологических ресурсов, давно назрел вопрос о том, чтобы сфокусировать внимание на Казахстане и способствовать превращению этой страны в главного союзника и партнёра РФ. Однако обязательным условием станет отказ от подхода «старшего брата», соблюдение интересов Казахстана и уважение Кремлём его суверенного положения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. А. Денисов: Ничего, что России невыгодно, она делать не будет // KOMMERSANT.RU: газета «Коммерсантъ». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3235889> (дата обращения: 10.12.2017).
2. Габуев А.Т. Шёлковый путь в никуда // VEDOMOSTI.RU: газета «Ведомости». URL: vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put (дата обращения: 10.12.2017).

3. Денисов И.Е. Председатель пути. Что инициатива «Один пояс — один путь» означает лично для Си Цзиньпина и его власти // CARNEGIE.RU: официальный сайт Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/70025> (дата обращения: 10.12.2017).
4. Денисов И.Е. Шёлковая безопасность: новая китайская концепция и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. № 3. С. 51—60.
5. Изимов Р.Ю. Меняющаяся стратегия Китая в Центрально-азиатском регионе (на примере китайской инициативы ЭПШП) // Центральная Азия и Кавказ. 2016. № 1 (19). С. 49—60.
6. К Великому Океану-3. Экономический пояс Шёлкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. С.А. Караганова. // RU.VALDAICLUB.COM: официальный сайт дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11300/> (дата обращения: 10.12.2017).
7. К Великому Океану-4. Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. К.В. Бордачёва // RU.VALDAICLUB.COM: официальный сайт дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11701/> (дата обращения: 10.12.2017).
8. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи / под ред. В.И. Якунина и А.В. Лукина. М.: Центр изучения кризисного общества, форум «Диалог цивилизаций». 2016. 110 с.
9. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт её применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31—52.
10. Коростиков М.Ю. Скорый пояс «Москва — Пекин» // KOMMERSANT.RU: официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3294247> (дата обращения: 10.12.2017).
11. Ларин А.Г. К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: сб. ст. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 138—149.
12. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шёлкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Аналитический доклад // IFES-RAS.RU: официальный сайт Института Дальнего Востока РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-1.pdf (дата обращения: 10.03.2017).
13. Лукин А.В. Идея Экономического пояса Шёлкового пути и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84—98.
14. Новый Шёлковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского и А.Г. Ларина. М.: ИДВ РАН, 2016. 230 с.
15. Нурсейтов А.А. Экономический пояс Шёлкового пути: возможности и перспективы // YVISION.KZ: информационный портал. URL: <http://yvision.kz/post/520219> (дата обращения: 10.03.2017).
16. Один пояс — один путь. Ведущая стратегия внутренней и внешней политики Китая. М.: РИСИ, 2016. 430 с.
17. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. № 4. С. 6—14.
18. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути 21-го века» // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255—270.

19. Сыроежкин К.Л. Геополитические проекты в Центральной Азии и роль Казахстана // CA-PORTAL.RU: портал «Центральная Азия». URL: <http://www.ca-portal.ru/article:26225> (дата обращения: 10.03.2017).
20. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде первого президента, 2014. 432 с.
21. Bordachev T.V. New Eurasian Momentum // ENG.GLOBALAFFAIRS.RU: журнал Russia in Global Affairs. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/New-Eurasian-Momentum-17886> (дата обращения: 10.03.2017).
22. Bordachev T.V. The Great Win-Win Game // ENG.GLOBALAFFAIRS.RU: журнал Russia in Global Affairs. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Great-Win-Win-Game-18395> (дата обращения: 10.03.2017).
23. Denisov I.E. China Going West // ENG.GLOBALAFFAIRS.RU: журнал Russia in Global Affairs. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/China-Going-West-17371> (дата обращения: 10.03.2017).
24. Gabuev A.T. Deciphering China's Security Intentions in Northeast Asia: A View from Russia // KEIA.ORG: Корейский институт экономики. URL: http://keia.org/sites/default/files/publications/joint_us-korea_2016_-_china_russia.pdf (дата обращения: 10.03.2017).
25. Gabuev A.T. Eurasian Silk Road Union: Towards a Russia-China Consensus? // THEDIPLOMAT.COM: журнал The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2015/06/eurasian-silk-road-union-towards-a-russia-china-consensus/> (дата обращения: 10.03.2017).
26. Korolev A.S. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relations with the Post-Soviet Space // International Studies Review. 2015. № 17. P. 298—312.
27. Kosnazarov D.B. The Great Bargain between Russia and China for Central Asia // CHINAINCENTRALASIA.COM: информационный портал China in Central Asia. URL: <http://chinaincentralasia.com/2016/11/06/the-great-bargain-between-russia-and-china-for-central-asia/> (дата обращения: 10.03.2017).
28. Ó Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and Discourse, Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // Political Geography. 1992. № 2. P. 190—204.
29. Rethinking geopolitics / ed. by Ó Tuathail G., Dalby S. London; New York: Routledge, 1998. 352 p.
30. Tsygankov P.A. Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking After the Soviet Break-up // Communist and Post-Communist Studies. 2003. № 36. P. 101—127.

REFERENCES

1. A. Denisov: Nichego, chto Rossii nevygodno, ona delat' ne budet [Andrei Denisov: Russia will do anything unprofitable]. *Kommersant*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/3235889> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
2. Gabuev A.T. Shelkovii put' v nikuda [Silk Road to Nowhere]. *Vedomosti*. Available at: vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
3. Denisov I.Ye. *Predsedatel' puti. Chto initsiativa "Odin poyas — odin put'" oznachaet lichno dlya Si Tszin'pina i ego vlasti* [Chairman of the road. What One

- Belt One Road Initiative Means for Xi Jinping and his power]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/70025> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
4. Denisov I.Ye. Shelkovaya bezopasnost: novaya kitayskaya kontseptsiya i pravila igry v Evrazii [Silk Security: New Chinese concept and Eurasia play rules]. *Security Index*, 2015, no. 3, pp. 51—60. (In Russ.)
 5. Izimov R.Yu. Menyayushchayasya strategiya Kitaya v Centralno-Aziatskom regione (na primere kitayskoy initsiativy EPSHP) [Changing China's Strategy in Central Asia (viewing SREB initiative)]. *Centralnaya Aziya i Kavkaz*, 2016, no. 1 (19), pp. 49—60. (In Russ.)
 6. *K Velikomu Okeanu-3. Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti i priority sovmejnogo razvitiya evrazijskih gosudarstv. Analiticheskij doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»* [Towards the Great Ocean-3. SREB and priorities of codevelopment of Eurasian nations. International Discussions Club Valdaj Analytic Report]. Ed. by S.A. Karaganov. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/11300/> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
 7. *K Velikomu Okeanu-4. Povорот na Vostok. Predvaritelnye itogi i novye zadachi. Analiticheskij doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»* [Towards the Great Ocean-4. Pivot to the East. Preliminary Conclusions and New Tasks. International Discussions Club Valdaj Analytic Report]. Ed. by T.V. Bordachev. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/11701/> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
 8. *Kitajskij global'nyj proekt dlja Evrazii: postanovka zadachi* [Chinese Global Project for Eurasia: Terms of Reference]. Ed. by V.I. Yakunin, A.V. Lukin. Moscow, Center for Crisis Society Studies, Dialogue of Civilizations World Public Forum Publ., 2016, 110 p. (In Russ.)
 9. Kolosov V.A. Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primenenija v Rossii [Critical Geopolitics: the Concept's basis and experience of its implementation in Russia]. *Politicheskaya nauka*, 2011, no. 4, pp. 31—52. (In Russ.)
 10. Korostikov M.Yu. Skoryi pojas “Moskva — Pekin” [Moscow — Beijing Express Belt]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3294247> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
 11. Larin A.G. K analizu sushhnosti proekta EPSHP i ego soprjazhenija s EAES [About the Essence of SREB project and its Conjugation with EAEU]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in world's and regional politics. History and modernity], 2016, no. 21, pp. 138—149. (In Russ.)
 12. Luzyanin S.V. *Pogloshhenie, soprjazhenie ili konflikt? ShOS, kitajskij proekt «Shelkovogo Puti i EAES: variant vzaimodejstvija v Evrazii* [Merger, Conjugation or Conflict? SCO, Chinese Silk Road project and EAEU: cooperation in Eurasia]. Available at: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-1.pdf (accessed 10.03.2017). (In Russ.)
 13. Lukin A.V. Ideya Ekonomicheskogo Poyasa Shelkovogo Puti i Evrazijskaya Integratsiya [Idea of SREB and Eurasian Integration]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2014, no. 7, pp. 84—98. (In Russ.)
 14. *Novyj Shelkovyj put' i ego znacheniedlja Rossii* [The New Silk Road and its Significance for Russia]. Ed. by V.Ye Petrovsky, A.G. Larin. Moscow, Institute of Far East of RAS Publ., 2016, 230 p. (In Russ.)
 15. Nurseitov A.A. *Ekonomicheskij Poyas Shelkovogo Puti: Vozmozhnosti i Perspektivy* [SREB: opportunities and perspectives]. Available at: <http://yvision.kz/post/520219> (accessed 10.03.2017). (In Russ.)

16. *Odin pojas — odin put': vedushhaja strategija vnutrennej i vneshnej politiki Kitaja* [One Belt, One Road: Leading Strategy of China's Internal and Foreign Policy]. Moscow, RISI Publ., 2016, 430 p. (In Russ.)
17. Okunev I.Yu. Kriticheskaja geopolitika i postkriticheskij sdvig v issledovatel'skoj paradigme geopolitiki [Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in Geopolitical Research Paradigm]. *Sravnitel'naya politika*, 2014, no. 4, pp. 6—14. (In Russ.)
18. Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstvija po sovmestnomu sozdaniju «Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti» i «Morskogo Shelkovogo puti 21-go veka» [Bright perspectives and practical measures for codevelopment of Silk Road Economic Belt and New Sea Silk Road of 21st century]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 3, pp. 255—270. (In Russ.)
19. Syroezhkin K.L. *Geopoliticheskie proekty v Central'noj Azii i rol' Kazahstana* [Geopolitical Projects in Central Asia and the Role of Kazakhstan]. Available at: <http://www.ca-portal.ru/article:26225> (accessed 10.03.2017). (In Russ.)
20. Syroezhkin K.L. *Nuzhno li Kazahstanu boyatsya Kitaya: mify i fobii dvuhstoronnih otnoshenij* [Should Kazakhstan Fear China: myths and phobias of mutual relations]. Astana-Almaty, IMJeP pri Fonde pervogo prezidenta Publ., 2014, 432 p. (In Russ.)
21. Bordachev T.V. New Eurasian Momentum. *Russia in Global Affairs*. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/New-Eurasian-Momentum-17886> (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
22. Bordachev T.V. The Great Win-Win Game. *Russia in Global Affairs*. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Great-Win-Win-Game-18395> (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
23. Denisov I.E. China Going West. *Russia in Global Affairs*. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/China-Going-West-17371> (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
24. Gabuev A.T. Deciphering China's Security Intentions in Northeast Asia: A View from Russia. *Joint US-Korea Academic Studies*. Available at: http://keia.org/sites/default/files/publications/joint_us-korea_2016_-_china_russia.pdf (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
25. Gabuev A.T. *Eurasian Silk Road Union: Towards a Russia-China Consensus?* Available at: <http://thediplomat.com/2015/06/eurasian-silk-road-union-towards-a-russia-china-consensus/> (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
26. Korolev A.S. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relations with the Post-Soviet Space. *International Studies Review*, 2015, no. 17, pp. 298—312. (In Eng.)
27. Kosnazarov D.B. *The Great Bargain between Russia and China for Central Asia*. Available at: <http://chinaincentralasia.com/2016/11/06/the-great-bargain-between-russia-and-china-for-central-asia/> (accessed 10.03.2017). (In Eng.)
28. Ó Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and Discourse, Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy. *Political Geography*, 1992, no. 2, pp. 190—204. (In Eng.)
29. *Rethinking geopolitics*. Ed. by Ó Tuathail G., Dalby S. London, New York, Routledge Publ., 1998, 352 p. (In Eng.)
30. Tsygankov P.A. Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking After the Soviet Break-up. *Communist and Post-Communist Studies*, 2003, no. 36, pp. 101—127. (In Eng.)